

ных памятниках и как неправилен чисто формальный путь подразделения тех или иных сюжетов даже раннего искусства по этим двум категориям.

Большого внимания и дальнейшего обсуждения, с точки зрения рецензента, заслуживают и многие другие положения, выдвигаемые Я. Я. Рогинским. Не отрицая у неандертальца, вслед за А. Д. Столяром и А. А. Формозовым, усложненной духовной жизни, служившей основой, на которой расцвело искусство верхнего палеолита, он в то же время правомерно показывает неразрывную хронологическую связь возникновения искусства с появлением Homo sapiens, вполне справедливо полагая, что в рамках развитой культуры современного человечества, в системе усложненной трудовой деятельности и разветвленной социальной организации общества искусство нужно не только обществу, но и отдельной личности. И автор убедительно объясняет, почему искусство удовлетворяет в своих образах мечту человека о порядке и гармонии в постоянно меняющемся и конфликтном мире и в то же время своими ритмами возвращает по природе своей аритмичному сознанию человека согласие со стабильными ритмами самого организма. Несколько цитат из античных и классических западноевропейских философов, затрагивавших ту же тему, очень оживляют текст соответствующего раздела, озаглавленного «Какая же главная особенность искусства?».

В то же время хотелось бы отметить неполноту изложения данных, относящихся к познавательной сфере палеолитического искусства. Автор опирается на работы Б. А. Фролова по истолкованию повторяющихся нарезок на палеолитических поделках в качестве следов нарождающегося счета. Б. А. Фролов выявил особое значение числа 7 в этом счете, аргументируя это как значением этой цифры в астрономических явлениях (лунный календарь и т. д.), так и физиологическими особенностями человеческой психики, в частности ограниченностью одновременной памяти человека, запоминанием максимум семи объектов. Это последнее важное обстоятельство выпало из изложения. Выпало и изложение работ американского исследователя А. Маршака, которые содержат богатый набор наблюдений, дополняющих наблюдения Б. А. Фролова.

В целом рецензируемая брошюра заслуживает высокой оценки как серьезный вклад в изучение функций изобразительного искусства в палеолите.

В. П. Алексеев

НАРОДЫ СССР

Социальные перемещения в студенчество. (По материалам социологических исследований в Советской Прибалтике)/Отв. ред. Титма М. Х. Вильнюс: Минтис, 1982. 280 с.

Характерной чертой развития научного знания в нашей стране в последние годы является повышение интереса специалистов разных научных дисциплин к проблемам и методам смежных наук. Тесная взаимосвязь всех процессов и явлений в современном мире диктует необходимость все более широкого контакта, сотрудничества и взаимобогащения специалистов разных отраслей знания, без чего уже невозможно полное и всестороннее решение конкретных задач в той или иной области исследования.

Вопросы развития социальной структуры народов постоянно находятся в поле зрения этносоциологов и этнографов. «...Этнографическое изучение современных национальных процессов предполагает не только выявление изменений собственно этнических параметров нации, но и раскрытие зависимости такого рода изменений от их социально-экономической динамики»¹. Совершенствование социальной структуры нации, рост ее наиболее квалифицированных отрядов, в том числе интеллигенции, служат одним из важнейших показателей национального развития. Народы и отдельные регионы существенно различаются не только по численности, но и по отраслевому составу интеллигенции, а также по распределению ее между городом и селом и т. д. Эти вопросы, имеющие как теоретическое, так и практическое значение, привлекают сейчас все более пристальное внимание социологов, экономистов, историков и других исследователей². Они занимают особое место во Всесоюзном исследовании, проводимом Сектором конкретных социальных исследований культуры и быта народов СССР Института этнографии АН СССР по программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» под руководством Ю. В. Арутюн-

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 359.

² См., напр.: Формирование и развитие советской многонациональной интеллигенции. Материалы Всесоюзной научной конференции «Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма». М., 1979; Гафт Л. Г., Игитханян Е. Д. Некоторые особенности воспроизводства советской интеллигенции. (На материалах республик Прибалтики). — В кн.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. Тезисы докладов. Уфа, 1980; Руткевич М. Н. Сближение национальных республик и наций СССР по социально-классовой структуре. — Социологические исследования, 1981, № 2; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татар. АССР. М.: Наука, 1973; Арутюнян Ю. В., Кахк Ю. Социологические очерки о советской Эстонии. Таллин, 1979; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980.

ниана³. Однако в целом национальные аспекты формирования и воспроизводства советской интеллигенции изучены пока недостаточно. Именно поэтому заслуживает внимания недавно вышедшая книга «Социальные перемещения в студенчестве», написанная на основе анализа материалов по трем Прибалтийским республикам. Цель книги — выявить общие черты и особенности формирования новых отрядов интеллигенции в разных республиках и языковых средах, а также показать основные жизненные ориентации студенческой молодежи.

Социологический материал для книги собирался во всех вузовских городах Прибалтики: было опрошено около 9 тыс. студентов. Выделялось два выборочных массива, репрезентативных как для всех Прибалтийских республик, так и для каждой из них. Выборка носила многоступенчатый характер; учитывались пол, профессионально-отраслевая специализация студентов, курс и язык обучения. Хотелось бы сразу отметить, что такой показатель, как язык обучения в вузе, нельзя полностью идентифицировать с национальной принадлежностью, как это иногда делают авторы (с. 106, 115, 135). Если молодежь, обучающуюся на эстонском, литовском или латышском языках, с определенной степенью условности можно считать, в основном, представителями коренных национальностей соответствующих республик, то среди русскоязычных студентов прибалтийских вузов немало людей нерусской национальности, в том числе белоруссов, украинцев, евреев. В последние годы усилился приток в вузы Прибалтики молодежи из Закавказских республик, в частности из Грузии, где несколько понизился прием студентов. В то же время такой фактор, как язык обучения, нельзя игнорировать хотя бы потому, что он позволяет выделить определенные социальные характеристики групп людей, ориентированных на русский язык и живущих в инациональном окружении.

В зависимости от основных задач исследования книга подразделяется на несколько глав, посвященных вопросам воспроизводства студенческой аудитории, характеристике профессионально-отраслевых отрядов студенчества, его жизненных ориентаций.

Весьма серьезные и важные результаты были получены учеными при исследовании социальных источников пополнения студенчества Прибалтики. Повышение качества подготовки молодежи из всех слоев населения, в том числе сельского, ведет соответственно к расширению социальной базы студенчества. В то же время собранные материалы показали, что в настоящее время во всех Прибалтийских республиках самый большой контингент студентов составляют выходцы из семей интеллигенции, прежде всего творческой, и медицинских работников. Наиболее склонной к самовоспроизводству оказалась русскоязычная среда. Вполне правомерно авторы прослеживают зависимость особенностей социального состава студенчества от социальной структуры населения, отмечая при этом определенное несоответствие доли интеллигенции среди населения и студентов (у последних она выше). Если обратиться к материалам по другим республикам, то можно обнаружить примерно аналогичную ситуацию. В то же время степень самовоспроизводства интеллигенции у разных народов не вполне одинакова и зависит от многих факторов. У русских, например, живущих в инациональном окружении, этот процесс в немалой степени связан с масштабами подготовки специалистов коренных национальностей, на что также обращают внимание авторы книги. Определенную роль играет уровень социально-экономического развития республик, особенности их исторического пути. Так, например, в Литве, в прошлом отсталой, где темпы социально-экономического и культурного роста особенно стремительны, круг социальных источников формирования студенчества шире, чем в соседних республиках. Этот вывод, видимо, можно отнести к ряду других республик.

В книге глубоко проанализирована роль в воспроизводстве студенческого контингента и таких факторов, как образование родителей, место рождения молодых людей и место их жительства при окончании школы, оценки в аттестате и на приемных экзаменах, тип среднего образования (общеобразовательная, специализированная школы, техникум и т. п.), социальное положение студентов, работавших до поступления в вуз, их трудовой стаж, жилищные условия и т. п. Мы видим, что авторы старались учесть как можно более широкий круг показателей, в той или иной мере влияющих на формирование студенческой аудитории. Добиваясь всестороннего учета всех факторов, они, например, принимали во внимание социально-профессиональное положение матерей опрошенных студентов, выявив более важное значение этого показателя по сравнению с социально-профессиональным положением отцов. Подобный фактор ранее мало учитывался в аналогичных работах. Особое влияние социально-профессионального статуса и образовательного уровня матери на социальное продвижение человека было отмечено и по результатам всесоюзного исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», что должно продемонстрировать исследователям значимость этого показателя.

Весьма важную роль, как с теоретической, так и с методической точки зрения, играют использованные в книге приемы типологизации исследуемых явлений. Несомненный интерес у этнографов должна вызвать типология семей по социально-профессиональному и образовательному признакам.

Глубокий анализ эмпирических материалов позволил авторам сделать ряд выводов, которые в той или иной мере могут быть значимыми и для других республик и регионов, такие, например, как выводы о важной роли социально-территориальных признаков среди факторов, влияющих на воспроизводство студенческого контингента (что связано с существенными различиями в уровне подготовки молодежи в системе сред-

³ Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования). — Сов. этнография, 1972, № 3.

него образования в разных населенных пунктах); о некоторых особенностях влияния социально-гетерогенных и социально-гомогенных семей на успеваемость учащихся; об усилении мобильности молодежи в связи с необходимостью приобретения среднего и высшего образования и др.

Такой же комплексный, всесторонний подход применяется и в других разделах книги. Например, в главах, посвященных анализу основных жизненных ориентаций студенческой молодежи, авторы не только характеризуют ориентации студентов на различные виды деятельности, в том числе на формы досуга, но и выделяют определенные типы жизненных ориентаций, различные уровни социальной активности и т. п. Этот раздел будет особенно интересен этнографам, так как он непосредственно связан с традиционными этнографическими темами — духовной культурой, проведением досуга и т. п. Он важен и для определения перспектив развития всего нашего общества. Поскольку интеллигенция играет в нем все более весомую роль, то ее нравственный облик, ее жизненные позиции имеют немаловажное значение. Показателем приведенный в книге вывод, что для большинства студентов, независимо от республики проживания и языка обучения, социально-активная позиция является неотъемлемой чертой жизни. Ориентации на самовыражение в труде, на профессиональную деятельность, альтруизм — это основа ценностей в сфере труда и образования изучаемого студенческого контингента, что еще раз подтверждает общность основных жизненных ориентаций советской молодежи, соответствующих идеалам нашего общества, нашего трудового образа жизни.

В книге детально проанализированы и некоторые особенности жизненных ориентаций, свойственные студентам разных профессионально-отраслевых отрядов, языковых групп, юношам и девушкам и т. д. Авторы связывают эти особенности со специфической воспитательной системы, системы массовых коммуникаций в отдельных республиках, национальными традициями. К приведенному перечню можно добавить влияние особенностей прошлого исторического развития республик и национальностей, их хозяйственно-бытового уклада, территориального размещения, а также реальное положение в обществе представителей тех или иных профессий или занятий. В книге, к сожалению, довольно мало сравниваются ценностные ориентации студенческой молодежи и молодых людей, не имеющих высшего образования. К этому следовало бы добавить анализ сведений о тех, кто пытался попасть в высшие учебные заведения, но не прошел по конкурсу. В материалах данного исследования зафиксирована, например, высокая оценка всеми студентами профессий, требующих высшего образования, что вполне естественно. В то же время авторы констатируют, что, по данным других исследований, проведенных в Эстонии, престиж высшего образования у молодежи несколько снижается (с. 116).

Вопросы ориентации молодежи в сфере труда и образования сейчас весьма актуальны, они непосредственно связаны с одной из основных проблем сегодняшнего дня — рациональным размещением и использованием трудовых ресурсов, важность которой подчеркивалась на XXVI съезде КПСС. Рецензируемая книга вносит свой вклад в ее решение.

Проблемы ориентации молодежи поднимаются и в разделе книги, посвященном сравнительному анализу основных профессионально-отраслевых отрядов студенческой молодежи. Следует подчеркнуть, что поставленные в этом разделе вопросы еще весьма неполно освещены в литературе, в особенности в региональном и языковом аспектах, учет которых, безусловно, необходим. Отрасли народного хозяйства союзных республик развиваются сейчас быстрыми темпами, потребности в работниках того или иного профиля не всегда стабильны. Система высшего образования отдельной республики иногда не может достаточно оперативно их удовлетворить. В этих условиях расширение и углубление межреспубликанских контактов в сфере специального образования приобретает все большее значение. Возрастает и роль русского языка как средства их осуществления. Авторы вполне справедливо указывают на необходимость изучения профессионально-отраслевого состава студенчества на фоне профессионально-отраслевой структуры занятого населения, хотя в книге такая задача не ставится. Однако можно сказать, что те особенности, которые обнаружило исследование у молодежи разных республик и языковых групп, имеют место и у работающего контингента. Авторы говорят, например, о преобладании среди русскоязычной студенческой молодежи будущих инженеров и медиков, среди литовцев — будущих педагогов, среди латышей — инженеров и работников творческих профессий, среди эстонцев — специалистов сельского хозяйства, экономистов, гуманитарной интеллигенции (с. 136). Если здесь условно приравнять русскоязычных студентов к русским, то, сравнивая эти данные с материалами других исследований, в частности проводимого Сектором конкретных социальных исследований культуры и быта народов СССР Института этнографии АН СССР, можно отметить, что политехническая ориентация характерна для русского населения всех союзных республик, причем доля русских среди инженерно-технических работников выше, чем среди студентов. Специализация же коренных национальностей зависит от многих факторов, в числе которых, как справедливо указывают авторы исследования, уровень социально-экономического развития, хозяйственная специализация, трудовые традиции национальностей, потребность в тех или иных профессиях и их пропаганда в республиках и т. д.

Почти все рассматриваемые в книге проблемы имеют большое теоретическое, и практическое значение не только для республик Прибалтики, но и для других регионов. Книга весьма полезна идеологическим работникам, людям, занятым работой с молодежью.

Следует также отметить высокий методический уровень книги, благодаря чему она может служить в известной мере методическим пособием для всех исследователей, имеющих дело со сбором и обработкой массовых количественных материалов. Авторы удачно используют такие статистические методы обработки информации, как корреляционный, факторный, регрессивный, дисперсионный анализ, расчет значений «расстояния Колмогорова» и др. В конце книги помещена анкета, по которой проводился опрос студентов. Одновременно хотелось бы заметить, что иногда авторы несколько увлекаются математическими методами в ущерб логическим размышлениям: в работе в большей мере даются ответы на вопрос, «как» происходит то или иное явление, «как» оно связано с другими факторами, и в несколько меньшей степени — «почему» оно происходит. Однако это замечание не снижает значения рецензируемой книги как серьезного и глубокого научного исследования, масштабность которого, конечно, не соответствует рамкам одной книги.

Л. В. Остапенко

Н. А. Томилов. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. 200 с.

Этнография сибирских татар изучена очень слабо. Сведения об их хозяйстве, быте и культуре, содержащиеся в дореволюционных изданиях, как правило, отрывочны и поверхностны. В работах советских этнографов и историков рассматриваются лишь отдельные стороны традиционного быта и культуры татарского населения разных районов Сибири.

Рецензируемая монография по существу первая научная работа, посвященная одной из групп этого народа — томским татарам. В основу книги положены полевые материалы, собранные автором или при его непосредственном участии в этнографических экспедициях Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (1969—1973 гг.) и материалы Западносибирской этнографической экспедиции Омского государственного университета (1975—1977 гг.). Автор привлек также сведения, имеющиеся в дореволюционной и советской литературе, изучил этнографические коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде и ряда сибирских музеев.

Монография состоит из «Введения» (в котором даны историческая справка о формировании томской группы сибирских татар и характеристика привлеченных автором материалов), пяти глав (где последовательно рассматриваются хозяйство, средства передвижения, поселения, жилища и хозяйственные постройки, одежда, головные уборы, и обувь, пища и домашняя утварь) и «Заключения».

Следует сказать, что «Введение» написано, пожалуй, излишне кратко. С нашей точки зрения, было бы закономерно включить в него общие сведения обо всех сибирских татарах, а не только о томских, рассказать об их численности, расселении, этнотерриториальных (этнографических) группах, на которые они подразделяются, диалектно-говорных и этнографических особенностях. Иначе непонятно, почему именно томские татары, сравнительно малочисленная этнографическая группа (4,3 тыс. чел.) в составе сибирских татар, были выбраны автором в качестве объекта исследования.

К несомненным заслугам автора при описании хозяйства и материальной культуры следует отнести принятую им методику построения отдельных глав книги. Описание материала дается в строго выдержанном историческом плане. Н. А. Томилов стремится проследить развитие хозяйства и материальной культуры томских татар с XVII в. до современности. Все источники исследуются тщательно и скрупулезно.

Наиболее полные сведения содержит глава I («Хозяйство»), где автор прослеживает изменения в соотношении различных видов хозяйственной деятельности, начиная с XVII в. до наших дней. Он отмечает постепенное отмирание архаической техники и внедрение более передовых методов ведения хозяйства под влиянием русского населения и других пришлых этнических групп (прежде всего поволжских татар). В то же время он показывает, что большую роль в изменении хозяйства томских татар сыграло бурное экономическое развитие этого района в период возникновения и развития капиталистических отношений (XIX — начало XX в.). Это привело к существенным переменам в типе хозяйства, развитии промыслов, земледелия и скотоводства. Вовлечение населения татарских деревень в товарно-денежные отношения резко ускорило процесс его классового расслоения.

Автор рассматривает интегрированный хозяйственно-культурный тип рыболово-охотников-скотоводов у томских татар и последующую трансформацию его. Однако описание орудий охотничьего промысла и рыболовства сделано схематично. Многие из них только упоминаются, причем порой приводятся лишь их местные русские названия (например, «дорожки»), что без рисунков и описания конструкции мало что говорит читателю. В этой связи следует сказать, что при всем богатстве и разнообразии иллюстративного материала он, как правило, немасштабен, фотографии и рисунки не привязаны или недостаточно привязаны к тексту, что, конечно, недопустимо в книге, посвященной описанию материальной культуры.

Менее удался автору раздел о хозяйстве томских татар в советский период. В главе приводятся факты, показывающие рост рентабельности сельского хозяйства томских татар в годы социалистических преобразований, резкое повышение материального бла-